

ЛЮДМИЛА СТЕПАНОВА

ЙОЗЕФ ДОБРОВСКИЙ И СОВРЕМЕННАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ

JOSEF DOBROVSKÝ AND CONTEMPORARY PHRASEOLOGY

Abstrakt

Článek je věnován dílu Josefa Dobrovského *Českých přísloví sbírka* (1804). Jednotky Slovníku jsou srovnány s aktuálními českými příslovími. Bylo zjištěno, že pouze 8–11% přísloví uvedených Dobrovským patří k jednotkám rozšířeným v současné češtině. Jsou uvedeny rozdíly v přístupu k příslovím. Autorka popisuje změny ve formě a sémantice přísloví a určuje důvody těchto změn.

Abstract

The paper analyses *Dictionary of Czech proverbs* written by Josef Dobrovský (1804). The proverbs are compared with contemporary Czech proverbs. It was found out, that only 8–11% of proverbs fixed in *Dictionary of Czech proverbs* belong to frequent proverbs in contemporary Czech. The access to proverbs was different too. The author describes changes of the form and semantic of proverbs and shows courses of the changes.

Klíčová slova

Josef Dobrovský ■ *Českých přísloví sbírka* ■ srovnání se současnými příslovími ■ živá a archaická přísloví ■ změny ve formě a sémantice přísloví

Keywords

Josef Dobrovský ■ *Dictionary of Czech proverbs* ■ comparison with contemporary proverbs ■ alive and archaic proverbs ■ formal and semantic changing of proverbs

Собрание чешских пословиц (Českých přísloví sbírka), вышедшее в 1804 г., занимает в исследованиях наследия Йозефа Добровского скромное место. Издание словаря чешских пословиц было чешским вкладом в изучение славянских пословиц, которое в начале XIX в. было начато в славянских странах. За основу словаря Й. Добровский взял наиболее известное из существовавших в то время собрание чешских пословиц Якуба Срнеца из Варважова (1582 г.). Сам Добровский считал собирание пословиц чрезвычайно важным делом для развития национального языка.

Й. Добровский тщательно продумал структуру и оформление словаря. Пословицы располагаются в алфавитном порядке по алфавиту

первого слова – способ, принятый и в остальных собраниях пословиц. Примечательно, что автор последовательно проводит ссылку на источник – звездочкой обозначает материал, взятый из сочинения Срнеца, инициалом автора помечены другие ссылки и, наконец, выражения, приведенные без ссылки, – это дополнения, сделанные самим Йозефом Добровским. Именно они, по моему мнению, представляют собой наиболее ценный материал, т.к. отражают те пословицы, которые знал Добровский, т.е. они были актуальны в начале XIX в.

Разумеется, очень многие пословицы, представленные в словаре Добровского, сейчас уже или совсем не употребляются, или употребляются в несколько иной форме или значении. Так, сравнение нескольких страниц словаря Добровского с наиболее актуальными (первыми пятью) группами словаря Д. Биттнеровой, Ф. Шиндлера: *«Česká přísloví. Soudobý stav konce 20. století»* (сравнивались пословицы на буквы L и M как наименее отягощенные префиксами) показывает, что из приведенных на эти буквы Добровским 131 единиц в настоящее время актуально лишь 10 пословиц, т.е. около 8%. Это следующие пословицы: *Mráz kopřivu nespálí; Líná huba, holé neštětí; Já o voze' a ty o koze; Lepší vrabec v rukou, nežli holub na střeše; Mladost radost; Mistr Nouze naučil Dalibora housti; My o vlku a vlk za humny; Mnoho psův zaječí smrt; Mnoho řečí, málo skutků; Dobře jazyk za zuby míti.*

Нужно, правда, сказать, что эти показатели не объективны – дело в том, что в Словаре Добровского приводятся не только пословицы, но и фразеологизмы (напр., *loudí se co liška zdaleka, leze co moucha z pomýjí, loňského sněhu vzpomínati*) и целые присказки (напр., *Mladého raka starý rak trestal, proč leze znak: neukázal mu lépe jak, i lezou oba podnes tak*). В современной паремиологии под пословицей понимается „логически законченное образное или безобразное изречение афористического характера, имеющее назидательный смысл и характеризующееся особой ритмической и фонетической организацией“ (Мокиенко, Никитина, Николаева 2010: 5). Если исключить данные выражения, которые современная паремиология не относит к пословицам, то количество пословиц на данных страницах Словаря Добровского на 40 меньше, т.е. сводится к 90. В таком случае процент сохранившихся до наших дней пословиц составляет 11%.

Хотя эти цифры не абсолютны, они все же позволяют сказать, что, вероятно, главная ценность Словаря Добровского для современных исследователей заключается не в объеме представленных единиц,

а в фиксации многочисленных вариантов, дающих богатый материал для изучения истории и этимологии чешских пословиц и поговорок.

Так, многие выражения, приведенные Й. Добровским, уже утрачены чешским языком. Причиной их исчезновения могут быть как экстралингвистические, так и собственно языковые факторы. Например, пословица *Vypadneť ti šíp z ořecha (když na tebe nenadále přijde)* ‘тебе будет не до смеха, узнаешь, почему фунт лиха’ непонятна современным носителям чешского языка, т.к. содержит наименование исчезнувшей детали оружия *ořech* – ‘приспособление на луке, в которое вставлялась стрела, «замок»’. Ушли в прошлое и другие фразеологизмы с этим прежде весьма активным во фразеобразовании компонентом. Ср., *vypadl komu šíp z ořecha* (букв. у кого-л. выпала стрела из замка) ‘кто-л. неожиданно попал в неприятную ситуацию’; *dokládat na ořech* (нажимать на замок) ‘изо всех сил стараться закончить какое-л. трудное дело’; *na ořech jim doléhá* (на их замок нажимают) ‘плохи их дела’; *nesměť na ořech doložit* (не иметь права на замок нажать) ‘не смеет говорить правду’ (Zaorálek 1947).

Неизвестна современному чешскому языку и пословица *Žádnému nedůvěř, leč s kým (prvé) prostici soli strávíš* (ссылка на *Mistra Daniela Adama z Veleslavína* – 2-ая половина XVI в.). *Prostice* – это древняя чешская мера объема – около 73 литров, которая служила для взвешивания кухонной соли, зафиксировано ее использование в г. Прахатице в середине XVII в. (Chvojka, Skála: 1982). Здесь видим параллель с русской пословицей *Надо пуд соли вместе съесть, чтобы друга узнать*, где *пуд* – старинная русская мера веса, равняющаяся 16 кг. В Словаре Добровского находим и другие обороты, близкие к русским выражениям, напр., *Slyšel vyzvánět, ale neví komu*, ср. рус. *Слышал звон, да не знает, где он*.

К лингвистическим причинам исчезновения ФЕ относятся, напр., семантические процессы, произошедшие в лексемах. Так, выражение *Jest tvrdé šije člověk* не отмечено звездочкой, т.е. это дополнение самого Добровского, показывающее, что данный оборот ему еще был знаком.

В древнечешском языке семантический объем лексем *šije, hrdlo* (а затем – с XIV в. *krk*) сначала не был точно дифференцирован, во фразеологизмах эти слова часто заменяли друг друга, ср., *šiji dáti* (XIV, XV вв.) – *hrdlo dáti* (XV в. и позднее), *šiji ztratiti* (XIV, XV в.) – *hrdlo ztratiti* (XV, XVI в.), *pod šiji učiniti* (XIV, XV в.) – *pod hrdlem* (XV в. и позднее). Как видим, сначала были зафиксированы обороты со словом *šije*, в XV в. они сосуществуют с ФЕ с компонентом

hrdlo, но после XV в. *šije* в значении ‘шея’ или в переносном значении ‘жизнь’ вообще исчезает из языка. Постепенно это слово изменяет свое значение – оно начинает обозначать не шею вообще, а затвердевшую мозолистую заднюю часть шеи (обычно у животных, несущих ярмо). Как показывают словари, в XVI в. появляется новый оборот *tvrdé šije člověk* ‘упрямый человек’, отсюда в современном чешском языке прилагательное *tvrdošijný* ‘упрямый’. В иных употреблениях существительное *šije* используется лишь в поэтической речи.

Выражение *Bližší košile než kabát* приводится в словаре Добровского в форме: *Bližší košile než sukňě (kabát)*, ср. русск. *своя рубашка ближе к телу*. Это оборот, в котором семантическую трансформацию претерпело сразу несколько компонентов, хотя его общее значение осталось неизменным. Слово *kabát* воспринимается современными носителями языка как верхняя одежда, пальто, плащ. Однако в древнечешском языке это слово было наименованием одежды воинов, ср., *kabát* 1) ‘нижняя одежда до пояса, без рукавов, которую надевали под доспехи’, 2) ‘передняя часть доспехов, латы по пояс’ (Jungmann II: 5).

Не сохранил свое значение и второй субстантивный компонент рассматриваемого выражения – *košile* (первоначально ‘длинная нижняя рубашка’, которую носили как мужчины, так и женщины). Зимой наряду с этой тонкой рубашкой надевали теплую, сшитую из сукна, которая называлась *sukňě*. Именно существительное *sukňě* было исконным компонентом данного оборота: *bližší košile než sukňě; sukňě košile bližší nebývá, a nemúdrý pro daleké bližších pozbývá* – находит в контекстах XIV в. Юнгманн (Jungmann IV: 377).

Слово *kabát*, появившееся в XIV в., в течение XV в. полностью вытесняет существительное *sukňě* из обозначений видов мужской одежды. *Sukňě* в современном понимании появляется в женском гардеробе в конце XV в., а закрепляется это название только в XVI в. С изменением реалий происходит и «модернизация» древней поговорки *bližší košile než sukňě* > *bližší košile než kabát*.

Древнейшие чешские фразеологические словари приводят этот оборот именно с компонентом *sukňě*: *bližší jest těla košile než sukňě* (ČB 1571, Srnec 1582). Своеобразное отражение процесс эволюции древних одеяний и их наименований нашел в словаре Я. А. Коменского – в рукописи автор написал: *bližší košile než kabát (v. sukňě)* (Komenský 1901: 62, 153). Потом дополнение (*v. sukňě*) было зачеркнуто. По-видимому, в момент составления словаря (он вышел

в 1631 г.) Я. А. Коменский уже осознавал первоначальный вариант *blížejší košile než sukně* как архаичный.

Й. Добровский приводит поговорку в форме *Blížejší košile než sukně (kabát)*, т.к. цитирует словарь Вацлава Яна Росы (*Thesaurus linguae Bohemicae*, 2-ая пол. XVII в.).

Для обнаружения происхождения ФЕ необходимо рассматривать ее в самых широких связях. Поэтому важна фиксация всех оборотов, так или иначе связанных с анализируемым выражением. Так, выражение *být namol* издавна вызывает неизменный интерес историков языка. Некоторые связывают его с музыкальным термином *moll*, другие – с глаголом *mlamolati*. В этой связи интересны выражения, приведенные Добровским: *Pivný molek, pivní molek; Pivní molek, nerád pije piva, než jí je* – о пьянице. Подобный пример найдем и у Флайшганса: *opilec, vinný mol, opilý na mol, na mol opítí někoho, opilý jak mol, vinný molek* (Fl 1: 1008). Видим, что прежде знания о маленьких мушках, кружащихся вокруг готовящегося пива или вина, были распространенными. Возможно, именно эти прозвища пьяниц дали начало сравнению *je jako mol (molek)*, а затем и фразеологизму *je na mol?* К сожалению, для таких выводов пока нет достаточного материала, какими бы заманчивыми они ни казались.

Выявление исходной внутренней формы ФЕ – одна из важнейших задач исторической фразеологии. В словаре Добровского представлено много фразеологизмов с интересной внутренней формой, не зафиксированной в современном чешском языке, напр., *Lépe státi za svým snopem než ležeti za cizím mandelem, Ne vždycky rak na mlejně, někdy také žába se trefuje, o komárové sádlo se hádati, Sníh v peci sušiti, Urozený co třetí břevno pod lavicí, Nevěděl, kolik kur doma měl, Kočku k tuku postaviti* и др.

Однако нередко сталкиваемся и с примерами того, что внутренняя форма неясна, но фразеологизм продолжает активно использоваться в языке. Раскрытие этимологии таких оборотов вызывает большие трудности, особенно если данное выражение содержит архаичные слова. Так, слово *brdo* сейчас относится к архаизмам и употребляется только в составе ФЕ *být (dělat) na jedno brdo* ‘быть одинаковым’. В словаре Добровского этот фразеологизм дается в полной форме: *V jedno brdo tkáni*, что позволяет выяснить, что фразеологизм связан с ткацким делом, и выявить, что слово *brdo* (прасл. *byrdo*) первоначально обозначало приспособление в виде маленького деревянного кинжала, служившее ткачу для подгонки точной нити к готовому куску полотна. Сейчас это часть ткацкого станка, поднимающая

и опускающая нити, в результате чего создается узор. Следовательно, *být na jedno brdo* первоначально значило ‘быть сотканным с одинаковым узором’ (Machek 1971: 65). Таким образом, фиксация исходной формы оборота в словаре Добровского способствовала его правильному этимологическому прочтению.

Итак, «*Českých přísloví sbírka*» – ценный источник для исторического изучения чешской и – шире – славянской и европейской фразеологии. Кроме традиционных лингвистических данных, Словарь дает богатейшую информацию о языковой картине мира и способе мышления носителей языка того времени. Например, бросается в глаза насыщенность словаря каламбурами, которые в современном языке почти сведены к нулю: *přijel sem pan Březovec, posedl ho Mařík (nedbalec), poradil se s Vaňkem, s Rychlíkem, potkal se s němým Bláhou* и многие другие.

Литература

- Мокиенко, В. М. – Никитина, Т. Г. – Николаева, Е. К., *Большой словарь русских пословиц*, Москва 2010
- ČB 1571 – ČB 1970 – Červenka, M. – Blahoslav, J., *Česká přísloví*, Praha 1970
- BS – Bittnerová, D. – Schindler, F., *Česká přísloví. Soudobý stav konce 20. století*, Praha 1997
- Fl – Flajšhans, V., *Česká přísloví. D. I. Prísloví staročeská*. 1. pol. A–N. Praha, 1911; 2. pol. O–Ž, Praha 1913
- Chvojka, M. – Skála, J., *Malý slovník jednotek měření*, Praha 1982
- Jungmann, J., *Slovník česko-německý*. D. I–V. Praha 1989–1990
- Komenský, J. A., *Moudrost starých Čechů, za zrcadlo vystavená potomkům*, Praha 1901
- Machek, V., *Etymologický slovník jazyka českého*, Praha 1971
- Zaorálek, J., *Lidová rčení*, Praha 1947